

Он родился первым. И, как единственный ребёнок в семье, долго купался в родительской заботе, внимании и любви. Когда ему исполнилось шесть, родители принесли в дом кроватку, положили туда незнакомого кричащего пупса, а ему сказали, что это младший братик. «Его нужно оберегать, хранить, любить, – твердили они, день и ночь нарезая круги вокруг малыша. – Когда подрастёт, будете дружить, расти и жить вместе».

Пришлось учиться быть старшим, а не единственным.

И он учился, с ужасом понимая, что его жизнь больше никогда не будет такой, как прежде. Теперь их всегда будет двое.

Малой покричал-покричал, потом стал ползать, потом бегать, потом лезть к нему в планшет, потом отбирать у него планшет, потом забрал окончательно – и родителям пришлось купить старшему новый. Но малой не угомонился. Новый планшет понравился ему больше, и вскоре был произведён обмен в обратную сторону.

Старшего этот случай сначала очень напряг: он родился первым, а значит – должен быть главным. Так почему же этот, родившийся вторым, так усиленно тянет одеяло на себя? Потом чуть расслабился и поймал себя на мысли, что ему интересно наблюдать за поступками младшего братика. Действия малюго вызывали у него желание что-то делать, тогда как без него мог бы вообще дурака валять. Особо родительского контроля не было, а от избыточного самоконтроля он тогда не страдал.

Именно у малюго старший научился несимметрично реагировать на все его ужимки и прыжки. Младшенький смотрел мультик – он тут же начинал играть в какую-то продвинутую компьютерную игру. Малой затевал свои детские шарики-фермы-гонялки – он находил в сети новый фильм с невероятно крутыми спецэффектами, устанавливал свой планшет так, чтобы братцу было всё видно

* Все возможные совпадения случайны. Реальных прототипов нет.

и слышно, и врубал звук на полную катушку. Однако сбить младшего, отвлечь, несмотря на детскую попрыгучесть, всегда оказывалось непросто. Если уж он за что-то брался, то занимался этим, пока самому не надоеет.

Соревнованию-соперничеству, казалось, не будет конца. Малой гонял машинки по полу и стенам, превращая квартиру в дома, дворы, жилые кварталы, улицы и автобусные остановки, – он брал скакалку и устраивал шоу с прыжками и валянием на ковре, чем менял масштаб, сбивал конструкции, переиначивал замысел. Иногда случались исключения: малой вдруг бросал свои пупсячи дела и пытался повторить гимнастические экзерсисы старшего брата. И тогда тот, торжествуя, бросался к турнику и подтягивался изо всех сил. Младшенький некоторое время молча стоял, задрав голову, видимо оценивая свои шансы и возможности, затем разворачивался и вприпрыжку возвращался к своим прежним занятиям.

В поступках малой, на первый взгляд, не было логики – обычные детские забавы. Лишь присмотревшись, старший замечал, что этот прыткий шкет всегда берётся за что-то новое, мгновенно переключаясь с круглого на синее, с ткани на воду. И новым это оказывалось не только для него, познающего мир. Старший изумлялся: только что никому не нужные предметы вдруг соединялись в невообразимые комбинации и получалось прежде невиданное и неслыханное. Правда, подрастающему экспериментатору быстро надоедало собственное изобретение, и тогда он безжалостно крушил воздвигнутую конструкцию и хватался за совсем другое. И снова всё повторялось.

Старшего возмущала такая бесхозяйственность. Как это – не довести дело до конца? Бросить такую красивую идею! Попытки вернуть малой к его же придумке никогда не увенчивались успехом. А старший просто прилипал к каждой новой фантазии. Младшенького нельзя было оставлять одного. Упустишь сотворённый малым замысел, – потом не поймаешь: поздно будет.

* * *

Так и повелось у них. Впрочем, только до первых школьных звонков. Когда малой пошёл в школу, старший учился уже в шестом классе. Какое тут соревнование? Но он уже не мог жить, как раньше. Сидеть на уроках оказалось невыносимо скучно. И хулиганчики,

и отличники вели однообразную пресную игру в войнушку за право доминировать. Совсем не хотелось включаться в их междусобойную возню. Таких как он, нейтралов, терпеть не могли обе стороны. А ему упорно не хотелось не то что примкнуть – подражать им, делать назло, придумывать в противовес своё. Ещё одна активная группа, девчонки, поджимая губки, изображали индифферентность, пытаясь казаться нейтралами, при этом стреляли глазками то в одну, то в другую сторону. Они бы никому даже тихонько не признались, что изо всех сил хотят понравиться хоть кому-нибудь.

Он же смотрел на всех, никому не отдавая предпочтение. Наблюдал. Нет. Нет и нет! Все они были однообразно предсказуемы.

Ску-учно. Старший вздыхал, открывал тетрадку в клеточку и на последней странице принимался рисовать крестики-нолики. Потом на предпоследней, потом... Звенел звонок – и он сбегал от всех, решительно стараясь сохранить нейтралитет и при этом не угодить в расставленные капканы тупых и бесконечных школьных провокаций. Мчался домой. Там малой наверняка придумал что-то такое, от чего захватит дух и захочется, забыв обо всём, догнать его и перегнать.

...В последнем классе он стал соображать, как же им с братцем устроиться в послешкольной жизни? Хотя – почему «им»? Малому вовсе не нужны партнёры. Он действовал сам. Старший включался в игру – хорошо. Нет – малой как будто этого и не замечал.

В последнем классе непонятная досада всё чаще доставляла старшему максимальное раздражение. Он перестал понимать себя. Что ему мешает? Что беспокоит? Быть может, скорая разлука с малым? Родственные чувства? Нет, перебирая в памяти день за днём, понимал, что если и скучал, то не по самому младшему брату – рослому, не по годам подрастающему мальчику с лохматой шевелюрой, руками с изящными пальчиками и длинными тонкими ногами. Не по тому, как тот ест, разговаривает, как пахнет или чмокает губами во сне, как себя ведёт, выполняя обязательную житейскую программу, а по тому, какие действия совершает в свободное от нудных занятий время. Наблюдая за ним, можно было оставаться пассивным зрителем, а можно – замереть, как зверь в засаде, и с интересом выжидать, сконцентрировавшись и напрягшись... и потом, когда малой сотворит нечто необычное... Потом что? Вскинуться, заплодировать, восхищённо воскликнуть: «Во даёт!». Между прочим, – вариант. А можно

попытаться вслед за этим талантливим родственничком тут же сделать то же самое, только прикольное. Ну, или что другое сделать, но главное – лучше, быстрее, ярче. Тоже, мол, не лаптем щи хлебаем.

– А самому задумать и самому выполнить – от начала и до конца, да ещё и младшего увлечь за собой, – спрашивал он себя, – слабо?

– Да ну-у... – отвечало внутреннее я. – И лениво, и к чему – для самого себя-то? Да и где взять идеи? Ну... и масштаб у него пока... у мелкого-то... мелкий. Ха-ха. Придумывать ради него какие-то пустяковины? Заморачиваться только...

За бравадой старшего скрывалось вполне осознаваемое им раздражение на самого себя, на неспособность создать новое и стартовать с нуля.

* * *

Он поступил в университет, окончил, устроился работать в газету. В его отделе среди журналистов средней руки были хорошо пишущие. Он стал внимательно следить за их публикациями. Сразу возникло подозрение, что коллеги сильно недорабатывают. Не поленился сходить в архив и поднять коллекции газет за прошедшие годы. Его жадный взгляд тут же находил в прежних публикациях товарищей по цеху интересные сюжеты. Он впивался в них, буквально проглатывал, делая короткие заметки в блокнот. Азарт охотника двигал им, заставлял обкладываться всё новыми и новыми подшивками, отчаянно шуршать газетными полосами десятилетней давности, пятнадцатилетней...

И вот блокнот весь уже исписан. Картина ясна! Журналисты работают поверхностно. Их очерки не страдают глубиной проникновения в тему. К биографиям своих героев относятся спустя рукава. Сколько ими упущено возможностей! Ведь можно было вместо нескольких бойких строчек выйти на роман, очерковый цикл, написать книгу. Да что книгу! Собрание сочинений! Что, лень было посидеть недельку-другую, подышать архивной пылью? Зато, если это сделать, впереди открылись бы такие перспективы...

Он засел в библиотеках и архивах. Собирал материал и писал, писал. Творил! И у него получилось ёмче, точнее написать, чем у его коллег. Открывались новые факты, вводились новые имена, рассказывались новые истории. Каждой своей строчкой, каждым словом он

доказывал, что лучше их всех вместе и каждого по отдельности – как исследователь, журналист, писатель. Никому было невдомёк, что источником всех его достижений, искрой, позволившей ему стартовать, явилась маленькая заметка в старой газете, написанная другим, никому не известным человеком.

...Одна за другой выходили книги. Его приняли в Союз писателей. Он даже стал лауреатом каких-то премий. Был удостоен званий. Награждён раз, другой, третий. Со временем пришло ощущение, что он стоит на вершине и весь мир открыт перед ним, что мир увидел его и признал, воспринял его действия и ждёт их продолжения.

Однако наслаждение от этого стояния было недолгим и неглубоким. Надо было двигаться дальше. А куда? Вершина – вот она, под ногами. Спускаться вниз? Как-то несолидно... Вот бы кто-то пролетал мимо и делал это из рук вон плохо, неправильно! Уж он тогда бы воспарил и, сначала быстро научившись сам, показал, как нужно летать и парить. Ведь если есть цель и страсть для её достижения, ты учишься намного быстрее, чем если бы тебя заставляли учиться из-под палки.

Но в воздушном пространстве, как назло, никого не было. Не за кем гнаться и на земной поверхности. Некого догонять, чтобы показать, как медленно тот бежит. Некого обогнать, чтобы научить, как вообще нужно бегать.

Впрочем, и обогнав, – он бы не ушёл далеко. Там, впереди, ему сразу же стало страшно от оглушительной пустоты вокруг. Так страшно, что пришлось бы замедлить шаг, позволив тому, кто ещё недавно был впереди, снова его догнать. И лишь тогда резко прибавить и опять оказаться лидером. Или нет. Можно всё-таки выпустить отставшего – вперёд. Конечно! Так даже лучше! Спина перед глазами создаёт невероятный стимул приложить усилия, собраться, совершить рывок... И убедительно доказать своё заслуженное первенство.

* * *

А малóй из года в год стартовал к новым горизонтам и обгонял только самого себя. Ставил перед собой цели и достигал их. Задавал себе задачи и находил решения. Генерировал идеи и если не доводил сам до полного воплощения, то запускал их, даже не всегда заботясь, подхватят ли начатое дело, доведут ли до завершения. Дорожить

выпущенной в мир идеей было ни к чему: он мгновенно родит ещё множество. Ему не нужен жоак. Суэта честолюбий, тщеславий и зависти воспринималась им как потоки нечистот. Спроси его, считает ли себя первым? Наверняка от такого вопроса ему стало бы неловко. Малой пожал бы плечами и сказал: «Первый? Может быть. И что? Различие в порядковом номере значения не имеет». Для него первый – всегда первый. Даже если отстаёт и уходит в арьергард, то ненадолго. Когда придёт пора подвести итог, по качеству работы выяснится, кто есть кто. А вот второй может быть только вторым. Даже если поднимается на высшую ступеньку пьедестала почёта. Он и там будет косяться на оставшихся внизу. Такая у него судьба, у второго...

...Старший щурил глаза на малюго и в сердцах говорил о нём, с годами всё более убеждая себя в правильности выбранной позиции: «Главное прокукарекать, да? А там пусть не рассветает?...». Первый по рождению, – он стал вторым по жизни, и что-либо сделать с этим оказалось не только невозможным, но и нежелательным.

* * *

Пропустим годы, когда у обоих началась личная жизнь. Нет, второй ни за кем не гнался и не пытался доказать, что он как мужчина лучше и потому предпочтительнее. Он просто влюблялся в чужих жён. Что поделаешь? Ради достижения объекта любви приходилось разрушать чужие семьи, оставлять своих женщин. Хотя, по большому счёту, ему не нужно было ничего, кроме главного азарта, ставшего делом всей жизни, – непрерывной гонки за лидером. Поэтому красивый антураж под названием «просто влюблялся» на поверку оказывался обычной мишурой. Так сказать, фигурой речи для непосвящённых. И новые избранницы, покорённые поначалу азартом завоевателя, потом ещё долго и безуспешно пытались понять, в какой момент и почему они вдруг тоже стали бывшими. Вступив в следующие отношения, они очень удивлялись, что им никто не смотрит в рот и не предупреждает их желания. Что они занимают далеко не главное место в жизни новых кавалеров. И тогда они с некоторой печалькой вспоминали о разлуке с человеком, который считал себя вторым...

А малой? Ему всё некогда. Хотя да, есть у него семья. И дети есть. Все любят его, как и положено. Он всех тоже любит, как положено. Но жизнь его в другом. И семья у него есть лишь до тех пор, пока

она комфортно устраивается у себя в обозе, не претендует ни на что и знает своё место, радуясь каждому явлению мужа и отца.

* * *

Иногда старший, уже осознав себя вторым и смирившись с этим, задумывался, почему та или иная попытка догнать, обогнать, сделать лучше – заканчивалась неудачей. И вдруг открыл для себя, что лидера тоже нужно уметь правильно выбрать. Правильный лидер – это такой редкий зверь, который не всегда водится в нужном месте и в нужное время.

После приобретённого опыта достижения вершины и стояния на ней пришлось, за неимением лучшего, смотреть на самого себя. Надо же в конце концов разобраться, почему это всё шло в такой хорошей динамике и вдруг остановилось. И тут старшего осенило ещё раз. Зачем искать кого-то вне себя? Он, по-настоящему первый, – внутри! Превзойти самого себя – вот истинная задача из задач! Настоящий вызов. Со временем он убеждался, что лучшего лидера, чем ты сам, нет и быть не может. А если в тебе лидер, то и самооценка возрастает на порядок, и ощущаешь себя увереннее в любых ситуациях.

* * *

Как известно, совершенству нет предела. В эту пору и в личной жизни он стал устраивать соревнования, пытаясь, и часто небезуспешно, превзойти самого себя.

Непреодолимая преграда образовалась неожиданно. Стало подводить здоровье, и в результате его отлаженная привычка выбиваться в первые, обгонять самого себя, соответствовать своим представлениям о том, каким он должен быть, тоже стала сбивать. Он без видимых причин пробуксовывал на ровном месте. Сбои шли один за другим. Когда тебя гонит вперёд азарт, – трудно остановиться и проанализировать ситуацию.

Он гнал себя вперёд наперекор интуиции, которая говорила, что ему, по здравому рассуждению, придётся сбавить обороты, а с ними и скорость, и результаты. Однако смиряться и медлить – не в его правилах. У них с малым ещё с детства это было общей чертой. Закусив удила, он разными способами и средствами подхлестывал организм, и тот мчался вперёд как обезумевший, после каждого нового взятого

с боем рубежа падая почти замертво. Заставляя себя подняться, он выжимал из тела приступы нахлынувшей усталости. Вновь и вновь преодолевая физическое сопротивление, выходил из депрессии, как предки выходили из окружения. Но тут же опять оказывался в пространстве без видимых ориентиров, где ничто не требовало движения, не указывало направление, а располагало к лени и безмятежному спокойствию. В душе здесь быстро становилось пусто, и не хотелось уже ни с кем и ни с чем вступить в состязание.

Здесь он катастрофически терял ориентиры. Верх и низ, право и лево менялись, как будто он кружился в невесомости. Тогда снова его рука тянулась к какому-нибудь хлысту, и снова тело, как несчастная кляча, было осёдлано и взнуздано, шпоры вонзались в бока и на них сыпались беспощадные хлѣсткие удары.

* * *

Вот он, смотрите! Он и сейчас в поисках лидера мчится, не разбирая дороги, падая и поднимаясь. Он уже не молод, а потому в своих гонках часто смешон, как был смешон Дон-Кихот в его сражениях с ветряными мельницами.

Может быть, мы не захотим смеяться над ним, а, восприняв всерьѣз, осудим за неправильно поставленные цели, за способы и средства их достижения?

Может быть, нам покажутся бессмысленными все его действия и мы пожмѣм плечами или покрутим пальцем у виска?

Если нам захочется напомнить ему, что «загнанных лошадей пристреливают», мы, конечно же, напомним.

Но как бы по-разному мы к нему ни относились, – согласимся: он не хнычет и ни у кого ничего не просит. Он действует. Подхватывает чѣ-то новое, развивает его и не думает при этом, каким будет оставленный им собственный след.

Так устроен мир: когда звонит колокол, – никому нет дела, кто его отлил. Иобрѣл сплав, придумал способ и возможности расплавить металл, создать под него форму, поднять на колокольню и закрепить на ней, заодно выбрать музыкальный строй и научить звонарей...

